

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 23-го Ноября 1908 года

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9545.

ЧАСЫ.

Съ тѣхъ поръ, что помню себя, я помню эти бронзовые, почернѣвшіе отъ ветхости часы, которые, словно живое существо, съ какой-то невозмутимой и безпрерывной упорностью стучать монотонно и однообразно „тикъ-тикъ-такъ, тикъ-тикъ-такъ“... И если я подолгу прислушиваюсь къ этому монотонному стуку, дробящему безконечное время на мелкія, мелкія частицы, мнѣ становится жутко... Часы какъ будто мнѣ говорятъ о томъ, что время безконечно только для человѣчества, но для отдѣльного человѣка, оно конечно и въ своемъ головокружительномъ бѣгѣ незримо совершає разрушительную работу... Я боюсь, страшно боюсь этого „тикъ-тикъ-такъ“, все больше приближающаго меня къ смерти, къ холодной и вѣчной могилѣ, въ которой я, сиѣдаемый червями, буду разлагаться...

Когда я въ полночь просыпаюсь отъ кошмаровъ, рождаемыхъ одиночествомъ, и мрачные мысли мои вмѣстѣ съ черной и непроницаемой тьмой плотно окутываютъ меня, бой часовъ становится оглушающе сильнымъ, и мнѣ хочется изо всѣхъ силъ крикнуть:

— Остановитесь!.. Но я молчу, а часы... съ какимъ—то леденящимъ равнодушіемъ продолжаютъ свой роковой „тикъ-тикъ-такъ“...

Однажды тревожно проснулся въ полночь. Сердце сильно стучало. Я услышалъ, именно услышалъ мертвую тишину. Мои часы стояли...

Черезъ часъ раздался стукъ въ дверь. Подъ сердцемъ повѣяло холдомъ. Я открылъ. Почтальонъ далъ мнѣ телеграмму.

— Что? Мать?.. Умер...ла? О-о-о-о!!! Я безумно кричалъ, и крикъ мой пронизывалъ небо...

— Подпишите роспись въ получении телеграммы.

— О, дорогая мамочка, какъ ты умѣла своей нѣжно-святой материнской лаской лечить раны моего сердца... Мамочка, тебя ужъ нѣть. Тебя...

— Пожалуйста, подпишите роспись...

— Что? Ропись? Какую? Ахъ, да, да, моя мамочка—этотъ святой ангель улетѣлъ, исчезъ навсегда. Почему?.. Помнишь, мамочка, когда я...

— Подпишите, наконецъ, роспись, мнѣ некогда—нужно идти.

Черезъ 2 часа я уже не плакалъ, сердце окаменѣло. Въ душѣ было безконечно пусто.

Разсвѣтало. Въ окнахъ черная пелена постепенно блѣднѣла, и все въ моей комнатѣ казалось призрачнымъ, далекимъ, холоднымъ... Я почему—то вспомнилъ о часахъ. Что? Они идутъ? Да, да, идутъ. Какъ это страшно. А раньше они стояли? Не знаю. Городские часы бьютъ четыре, а на моихъ сколько? Да, вѣрно; тоже четыре...

Это было ранней весной. Въ душѣ все расцвѣтало, сияло и пѣло. Грудь,

В. П. Егоровскій.

Предсѣдатель совѣта присяжныхъ повѣрен. округа харьковской судеб. палаты, скончался 18 ноября с. г.

пронизанная солнечными теплыми лучами, высоко поднималась, чтобы вмѣстить въ себѣ весь міръ... Я любилъ, нѣть, не любилъ, а обожалъ. Нѣть, не обожалъ, а боготворилъ. А она... Это былъ ангелъ, который снизошелъ на землю, какъ бы для того, чтобы напомнить людямъ о связи между небомъ и землею. Временами я вѣрилъ, что у моей возлюбленной крылья. Я не берусь рисовать жалкими словами ея божественную красоту. Я молчу... Но помните, что природа создала ее въ минуту вдохновенія. И когда моя Вѣра мнѣ сказала: „я твоя“..., сердце забилось неземнымъ восторгомъ; блескъ солнца сдѣлался еще болѣе ослѣпительнымъ, птички запѣли радостнымъ хоромъ, міръ засиялъ, и все живущее слилось въ могучій аккордъ счастья, ибо что такое міръ безъ моей возлюбленной?..

Помню это счастливое время, когда всѣ дни обратились въ сплошной праздникъ. Часы мои тогда весело, быстро стучали и, казалось, радовались вмѣстѣ со мною. Я былъ безконечно счастливъ. Время летѣло, и стрѣлка моихъ часовъ, казалось, быстрѣе, чѣмъ когда-либо, двигалась. И этотъ „тикъ-тикъ-такъ“ уже не казался мнѣ жуткимъ.

Наоборотъ, стрѣлка часовъ, передвигаясь, приближала время свиданій, дававшихъ столько блаженства... И часы какъ бы сдѣлались моимъ тайнымъ союзникомъ. Они весело стучали, и циферблать какъ—то особенно привѣтливо смотрѣло на меня; цифра „пять“—это былъ обычный часъ нашихъ свиданій—даже улыбалась и интимно мигала мнѣ.

Но наступилъ день, когда мое счастье исчезло такъ же неожиданно, какъ и пришло. Наканунѣ этого дня я получилъ отъ нея лаконическую за-

письку, исписанную ровнымъ рѣшильнымъ почеркомъ: „Сегодня ты не долженъ придти. Я прошу тебя объ этомъ. Я увѣрена, что ты исполнишь просьбу столь дорогой тебѣ Вѣры“.

О, моя дорогая. Ты можешь быть увѣрена: твое желаніе—для меня святой законъ.

Я пришелъ на слѣдующій день. Но уже было поздно... Она уѣхала, оставивъ для меня длинное письмо, въ которомъ писала, что сердце ее обмануло, что, проанализировавъ свое чувство, она пришла къ тому окончательному заключенію, что только увлеклась мною и недостаточно любить меня для того, чтобы быть моей женой... А обманывать меня она не можетъ. Письмо дышало той искренностью и трогательной лаской, которая облегчаетъ горе и одновременно дѣлаетъ его еще болѣе жгучимъ. О, да, она не можетъ обманывать, она не виновата. А кто же? Кто разбилъ драгоцѣнныи сосудъ моего счастья?

И когда я шелъ съ поникшей головой, оторванный отъ всего міра, отъ людей, всему чужой, никому не нужный и одинокій, солнце какъ-то назойливо жгло своими палиющими лучами, небо было далекимъ, безжалостно—холоднымъ, а улыбки людей были притворными. О, я знаю эти улыбки, за которыми скрываются заботы, неудачи, несчастья... Я, быть можетъ, тоже улыбался, конечно, при встрѣчѣ съ знакомыми,—когда я шелъ отъ нея, и у меня въ карманѣ лежало письмо, похоронившее всѣ мои мечты...

Я цѣлый день бродилъ. Пришелъ домой усталый, разбитый и бросился на диванъ. Я ни о чёмъ не думалъ. Чувствовалъ, что тяжесть горя давить грудь, а губами шепталъ нѣжно: „Вѣрочка, зачѣмъ ушла?.. Вѣдь, никто тебя не будетъ любить, какъ я“. Но отвѣта не было. Часы монотонно, медленно и тягуче стучали.

Время тянулось безконечно долго. Ночь мнѣ показалась вѣчностью. Лишь къ утру я забылся тяжкимъ сномъ и проснулся въ полдень съ головной болью. Часы равномѣрно стучали „тикъ-тикъ-такъ“...

Я долго всматривался въ холодно-мертвый циферблать; „наивный“, думалъ я о себѣ—и тебѣ могло казаться, что часамъ есть дѣло до твоихъ радостей и терзаній?

Вспомнилъ я ту ночь, когда получила телеграмму о смерти матери, и часы, какъ казалось, стали. Вспомнилъ веселое тиканье часовъ въ послѣднее время и изступленно кричалъ, обращаясь къ нимъ: „Врете, проклятые“. Трепещѣли въ моей груди безумная радость, разрывается ли сердце отъ муки,—вамъ все равно, какъ безразлично всему міру, ибо онъ и безъ моего счастья остается прежнимъ и не менѣе прекраснымъ.

Солнце рѣзalo глаза. Съ улицы доносился шумъ человѣческихъ голосовъ, грохотъ пролетокъ, неугомонный звонъ электрическихъ конокъ, и все это, захватившее словно пылинку въ свой водоворотъ мою нѣжную Вѣроч-

ку, жаждущую любить—свято и беззанятно, говорило за то, что ничто не может остановить этого лихорадочно-быстрого течения жизни. И если я, для кого-то существует этот мир, являющийся для меня, царем земли, престолом, если я застремлюсь, заржусь, повеслюсь или выброшусь из окна, окружающая жизнь ни на миг не остановится, и все останется по прежнему...

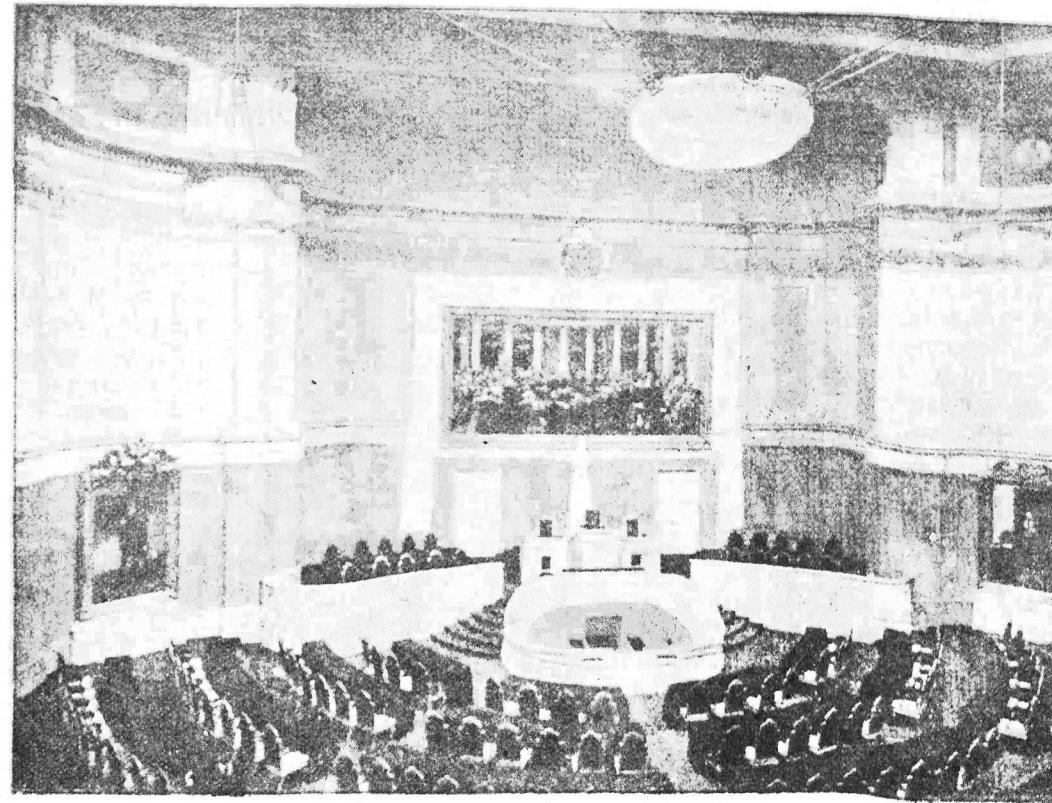
Прошло много лет. И хотя жизнь все больше разрушала во мне все то прекрасное, что дает молодость, и от волшебного мира души остались одни только развалины, я все-таки продолжал жить, ибо жажда жизни сильнее всего, ибо я не царь земли, гордый и величественный, а жалкий ничтожный раб...

Была поздняя осень. Дул резкий ветер, гнавший свинцовую тучу в безконечную, неведомую даль. Лишь дождь, и все люди спешили укрыться от пронизывающего холода. Только я один безцельно бродил, оставившись равнодушным к этому свинцовому пейзажу, нарисованному печальным художником—осеню, к дождю, который леденил душу, и к скжимавшему сердце ветру. Я хотела уйти от самого себя, но не мог... С какой-то фатальнойностью меня неотступно, словно тень, сопровождало одиночество—молчаливое, давящее, вечное...

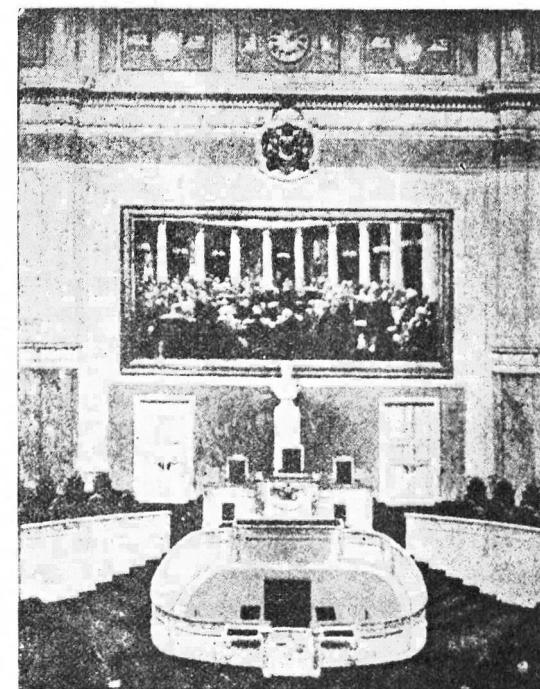
И я шел, не зная—куда. Повернувшись за угол одной из загородных пустынных улиц, я нечаянно задел проходившую женщину; упавший зонтик ей дал возможность посмотреть ей в лицо. Я весь вздрогнул. Что-то такое холодное и волноющее рвануло сердце,—оно замерло, ноги подкосились.—Это была она. Ея стройный стан согнулся, лицо сжалось бледным, худым, на котором кожа начала собираться в чисто замятные складки. Углы ея губы немного опустились, и вокруг них образовались трагическая линия. Но глаза ея были безконечно печальными и грустными, как бы бывают у людей, много страдавших. Я посмотрел в эти бездонные глаза и сразу понял всю боль, всю горечь души, отражавшейся в них. Мы пошли молча. И лишь через час, когда мы сидели вдвоем, окутанные сумерками, она мне рассказала горькую повесть своей жизни...

Птичка улетела в небесную высь, чтобы рвать въ необъятной лазурь, но всесокрушающая буря сломала ея крылья и, она, жалкая, разбитая, упала на землю.

Она горько заплакала, припав лицом к моей груди. Я обнял ее, прижал к себѣ, и хотѣл утешить

Новый зал Государственного Совета.

Место для президиума
в новом зале Государственного Совета.

ее, но я не нашел словъ. Хотѣлось вмѣстѣ съ ней плакать, но не мог...
Сумерки все больше сгущались, и въ комнатѣ, наконец, стало темно. Было тихо. Только мои часы монотонно стучали тикъ-тикъ-такъ, тикъ-тикъ-такъ...

Григорій Слуцкій.

СТРАШНЫЙ МУЖИКЪ.

(изъ дѣтства).

Насъ-дѣтѣ было много на нашемъ дворѣ, и все мы боялись „страшного мужика“. Неизвѣстно—откуда прошелъ этотъ слухъ, но мы были уверены, что мѣшокъ за его плечами служить, именно, для похищенія такихъ, какъ мы. Правда, онъ въ этотъ

мѣшокъ собиралъ вскую дрянь—тряпки, старое желѣзо, бумагу; правда, изъза этой дряни онъ рылся въ самыхъ скверныхъ отбросахъ, но мы были твердо убѣждены, что все это одинъ отводъ глазъ, не болѣе.

Когда его фигура показывалась во дворѣ—все мы моментально исчезали по квартирамъ и оттуда ужъ, изъ окошекъ и форточекъ, наблюдали за „страшнымъ мужикомъ“.

— У, противный! у, гадкий—возвышались мы, искренне негодяя.

Понемногу наша фантазія разукрасила яркими красками невзрачный, несимпатичный намъ образъ. Онъ выросъ въ какой-то ужасный приракъ людоѣда-грабителя.

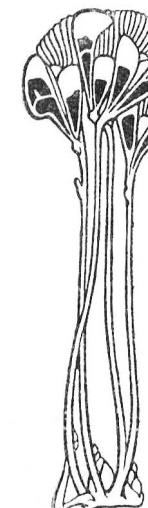
Бывало, вечеромъ, передъ тѣмъ какъ ложиться спать, я, семилѣтний мальчишанъ, заберусь со старшей сестренкой и съ младшимъ братомъ на большой диванъ въ столовой и горячо разсуждаю о нашемъ воображаемомъ врагѣ. Всѣ трое мы сидимъ, поджавъ подъ себя калачикомъ ноги и боязливо оглядываясь на темную открытую дверь въ залу.

Фантазія у меня была, должно быть, изрядная. Полувѣра, полунѣвѣра самому, о чёмъ рассказывала, я живописалъ жестокость „страшного мужика“, рисовалъ картины того, какъ онъ охотится за дѣтьми, какъ ихъ ловитъ и уноситъ къ себѣ. Потомъ великолѣпно бралъ на себя роль избавителя несчастныхъ. Съ опасностью собственной жизни я прокрадывался вслѣдъ за людоѣдомъ въ его жилище, пытался куда-нибудь незамѣтно для него до вечера, а когда наступала ночь, и „страшный мужикъ“ засыпалъ, бралъ топоръ и отрубалъ ему голову.

Я самъ дрожалъ отъ страха, когда заводилъ нить своего разговора слишкомъ далеко, а что дѣлалось съ мамиными слушателями! Не разъ случалось, что послѣ особенно душепривѣтной вариаціи легенды о „страшномъ мужикѣ“, мой братишко начиналъ хныкать и кричать, что боится. Приходили взрослые и урезонивали его. Но о причинѣ страха не могли добиться отъ него ни полслова. Почему-то мы, дѣти, свято хранили свою дѣтскую тайну о „страшномъ мужикѣ“.

И какъ ненавидѣли мы этого „мужика“, всѣми фибрками своего существа. При одномъ напоминаніи о немъ некоторые начинали дрожать. Это было какъ-то психозъ, какая-то болѣзнь, продолжавшаяся нѣсколько мѣсяцевъ и все болѣе усиливавшаяся.

Я не былъ, вообще, жестокъ, но надъ образомъ „людоѣда“ учился быть жестокимъ. Какимъ только пыткамъ ни подвергалъ я его въ своихъ разска-

Сербскія женщины-добровольцы на учени въ Крагуевацѣ.

Лучшіе люди Босніи и Герцеговины.
Въ первомъ ряду сидѣтъ глазные вожди боснійского населения: 1) Григорій Евгновичъ (Сараево), 2) Воймазъ Шало (Мостаръ), 3) Коста Кулонажичъ (Сараево), 4) Лазарь Довановичъ (Долина Тузма) и 5) Стефанъ Ковалевичъ (Берчка).

— Что вы, что вы, барчукъ! успокейтесь.

Онъ придинулъся еще ближе ко мнѣ; тогда съ рѣзкимъ, пронзительнымъ визгомъ я поднялъ палку, бывшую въ рукахъ, и ударилъ его... прямо по лицу.

Образовался стукъ отъ удара, показалась кровь. Ветошникъ присѣлъ, закрывая зашибленное мѣсто рукою, и застыналъ.

— За что, за что, барчукъ! проговорилъ онъ съ горечью, сдерживая, очевидно, слезы боли и обиды.

— За что?
Помню, я стоялъ нѣсколько мгновеній неподвижно и растерянно глядѣлъ на страшного мужика. И странно—какъ то сразу отъ двухъ его словъ, отъ стона открылись мои глаза, и я увидѣлъ правду.

Я увидѣлъ бѣдное, дырявое платье

захъ. Я то убивалъ его, то бросалъ въ подземный погребъ въ воду, къ жабамъ, то заковывалъ по рукамъ и ногамъ въ цѣли, то ослѣплялъ... И съ жгучимъ наслажденіемъ выдумывалъ все новые и новые казни.

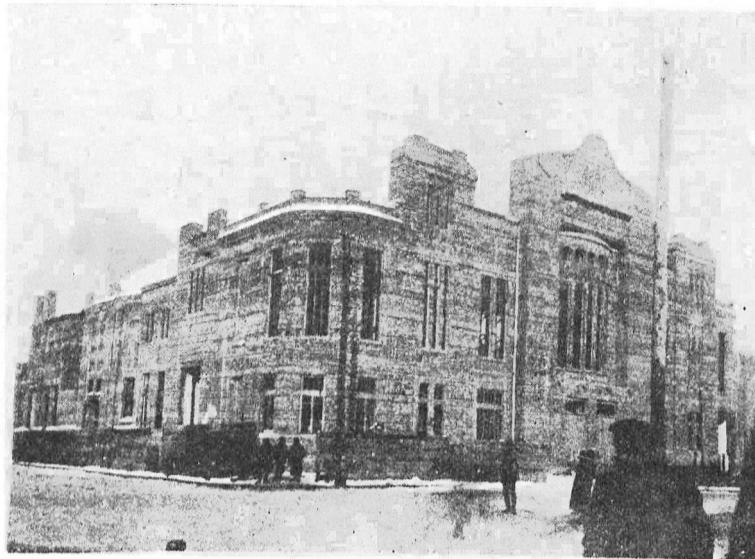
Бѣдный, старый ветошникъ съ измученнымъ лицомъ! Онъ, конечно, не зналъ и не могъ знать, въ какомъ изувѣра мы преобразили его. Онъ видѣлъ только, что мы боимся его, что стараемся возможно менѣе дать ему работы, прибирая всяку ерунду по укромнымъ мѣстамъ. Онъ чувствовалъ, что мы не любимъ его—но почему? За что?

Но, вотъ, однажды въ теплый зимний день я стоялъ у воротъ нашего двора на улицѣ и ждалъ прихода своей сестры, которая ходила уже въ школу. Я зазѣвался на что-то, кажется, на двухъ собакъ, игравшихъ посреди

Статуя свободы.

Монументъ воздвигнутъ въ С. Яго, на Кубѣ, въ память освобожденія острова отъ испанскаго владычества.

Новый театръ Г. М. Муссури.

несчастнаго, и его заштопанную шапку, и старые сапоги, и то горе, забитое горе нищеты и униженія, какое было во всемъ его существѣ и особенно въ его глазахъ... Образъ людоѣда куда-то исчезъ, испарился...

— За что?

Я закричалъ и бросился прочь отъ воротъ, во дворъ, въ квартиру.

Помню, раздѣлся, снялъ шубку и галоши, легъ въ свою кровать и лежалъ тамъ долго, долго, часа полтора, пока не вернулся отецъ, бывшій на службѣ.

Ахъ! Какъ мнѣ было тяжело, какъ тяжело!

Отецъ вернулся сердитымъ и тотчасъ же позвалъ меня.

— Слушай—сказалъ онъ.—Ты, оказывается, большой негодяй? Бѣешь бѣдныхъ людей... старииковъ... А?

Я молча стоялъ передъ нимъ, опустивъ голову.

— Лавочникъ видѣлъ все. Ты слышишь? Даже онъ, совершенно посторонний человѣкъ, и то возмутился и сказалъ мнѣ. Ну, что же ты? Говори!

Я продолжалъ молчать.

Отецъ сердито протянулъ руку и сватилъ меня за ухо.

— Папа! Папочка!—закричалъ я.

— Что?..

— Бей меня, бей, но пожалуйста... сильно.

И заплакалъ.

П. Лозановъ.

Новый театръ въ Харьковѣ.

Герасимъ Михайловичъ Муссури построилъ на углу Благовѣщенской и Дмитріевской улицъ новый театръ, рисунокъ котораго помѣщенъ въ этомъ номерѣ.

Театръ занимаетъ площадь въ 740 квадратныхъ сажень. Театръ имѣеть три подъѣзда: главный—съ Благовѣщенской улицы, 2-й и 3-й (въ концертный залъ)—съ Дмитріевской. Какъ вестибюль, такъ и фойе имѣютъ по 22 сажени длины и по 5 с. ширины. Для прогулокъ публики въ антрактахъ-два коридора въ 160 и въ 120 кв. саж.

Театръ имѣеть 5156 мѣстъ, въ томъ числѣ въ зрительномъ залѣ 1360 мѣстъ, 45 ложъ по 4 мѣста, 8 литерныхъ ложъ по 7 мѣстъ, 1600 мѣстъ за ложами, 360 мѣстъ на балконѣ для учениковъ, трибуна на 300 мѣстъ и галлерея на 1300 мѣстъ.

Ширина сцены 25 арш. 12 вершк., глубина—29 арш. 6 верш.

СМѢСЬ.

Путешествие вокругъ свѣта въ 40 дней.

Директоръ Рокъ-Исландской компаніи въ Денверѣ выработалъ планъ, по которому кругосвѣтное путешествіе можно будетъ отыскать совершать въ теченіе 40 дней. Путешественникъ садится въ субботу въ Нью-Йоркѣ на одинъ изъ самыхъ большихъ океанскихъ пароходовъ—, Ma-

вританію" или „Лузитанію". Въ четвергъ онъ прибываетъ въ Плимутъ, откуда, черезъ 4 часа, поѣздъ доставляетъ его въ Лондонъ, какъ разъ къ тому времени, когда со станціи Чарингъ-Кросъ уходитъ поѣздъ въ Берлинъ. Сюда путешественникъ пріѣзжаетъ въ 6 час. 45 мин. вечера и въ 7 час. 12 мин. уже мчится въ Варшаву, куда прибываетъ въ субботу утромъ, въ 10 час. 5 мин. Прибытие въ Петербургъ въ воскресенье ночью, въ 1 часъ 20 мин., а въ 7 час. утра—отѣзду во Владивостокъ. Прибытие туда черезъ 11 дней, т.-е. во второй четвергъ, въ 10 час. 15 мин. утра. Въ Владивостокѣ будеть уже ждать пароходъ, который повезетъ путешественника въ Цуругу (Японія). Оттуда желѣзною дорогою 12 часовъ до Йокагамы, а здѣсь къ услугамъ—пароходъ, отходящій въ Ванкуверъ. Переѣздъ океана займетъ 12 дней. И вернется пріешественникъ въ Нью-Йоркъ черезъ 40 дней послѣ своей отправки оттуда. Такимъ образомъ, успѣхи современного передвиженія уже и сейчасъ опередили смѣлу фантазію Жюля Верна. Путешествіе, при разстояніи въ 35,000 кил., будеть стоить, приблизительно, 1,600 руб., считая въ томъ числѣ продовольствіе въ пути и остановки въ гостиницахъ.

